

**ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ КОМИССИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (1920 – 1930-е годы)**

**Плиев
Абдурахим
Ахмедович** кандидат исторических наук,
Институт этнологии и антропологии РАН
(119334, Россия, г. Москва, Ленинский пр-т, 32-А).
E-mail: irina@babich1.net

**Бабич
Ирина
Леонидовна** доктор исторических наук,
Институт этнологии и антропологии РАН
(119334, Россия, г. Москва, Ленинский пр-т, 32-А).
E-mail: irina@babich1.net

Аннотация

В статье рассматриваются варианты правовой модернизации в республиках Северного Кавказа: Кабардино-Балкарии, Адыгее, Северной Осетии, Чечне, Ингушетии. Авторы изучают отношение советской власти к традиционному медиаторскому суду, бытовавшему у всех народов Северного Кавказа до революции. Однако в 1920-е годы в разных республиках его судьба оказалась разной: в одних республиках он был отменен, в других – заменен на Примирительные комиссии, в третьих – сохранялся до середины 1920-х гг. Статья подготовлена на основе архивных материалов из архивов республик Северного Кавказа: Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Северной Осетии и архивов, которые в настоящее время уничтожены – бывшего архива Чечено-Ингушской АССР.

Ключевые слова: *медиация, суды, народы Северного Кавказа, советская власть, советское законодательство, Примирительные комиссии.*

Установление советской власти на Северном Кавказе повлекло за собой и модернизацию правовой системы в регионе. До революции Российская империя осуществляла постепенную модернизацию судопроизводства на Северном Кавказе, во многом сохраняя традиционную правовую систему. В первое десятилетие становления советского строя в регионе происходило постепенное внедрение нового правового порядка. Введение советского законодательства на Северном Кавказе, безусловно, осложнялось бытованием в горской среде традиционного правового менталитета: наказания, устанавливаемые советскими судебными органами, часто не удовлетворяли представителей народов Северного Кавказа. Случалось, что родственники потерпевшего ждали возвращения убийцы из тюрьмы, чтобы «расправиться» с ним самостоятельно, т. е. совершить кровную месть. Например, в ингушском селении было совершено убийство. Виновного М. Д. осудили и посадили в тюрьму. После отбытия срока виновный вернулся в свое селение. Однако между ним и его семьей, с одной стороны, и фамилией потерпевшего, с другой, установились кровные, враждебные отношения: кровники постоянно преследовали виновного¹. Следовало обратиться к традиционному примирению [1]. Поэтому советские и партийные органы решили взять на себя функции посредников-примирителей, для чего были созданы специальные советские комиссии для примирения кровников практически на всем Северном Кавказе. В предлагаемой статье, основанной на архивных материалах, извлеченных нами из разных архивов Северного Кавказа, мы проанализируем этот процесс на примере

¹ Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР (ЦГА). Ф. Р-111, Д. 2. Л. 11.

республик Северного Кавказа: Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Северной Осетии, Чечни, Ингушетии и выявим основные модели правовой модернизации в 1920 – 1930-е годы.

Ингушетия

Первая примирительная комиссия на Северном Кавказе была создана в 1920 г. в Ингушетии. Она занималась разбором и примирением конфликтов во всем Назрановском округе и проработала до конца 1923 г.¹ Рассмотрим правила, по которым она работала. Во-первых, в состав комиссии входили не выбранные враждующими сторонами авторитетные люди, а члены существовавших еще до революции адатных и шариатских судов². Во-вторых, члены комиссии получали от советской власти небольшую зарплату (которая, правда, не всегда вовремя выплачивалась) и «довольствие»³. В-третьих, комиссиям разрешалось руководствоваться нормами адата и, отчасти, шариата. Поэтому в эти годы примирение кровников с помощью примирительной комиссии сопровождалось уплатой определенной суммы денег потерпевшей стороне, а также уплатой «позора» девушки (в случае совершения изнасилования), составлявшей половину стоимости «крови». В качестве примирения использовалась и другая мера – переселение убийцы и его ближайших родственников в другие селения на постоянное место жительства⁴.

Во многих решениях Примирительной комиссии Назрановского округа мы находим подтверждение того, что действительно при урегулировании конфликтов она обращалась к нормам обычного права, в частности, по делу примирения А. и Х. с Е., где потерпевшая сторона была «удовлетворена» выплатой тоама, согласно утвержденной норме. После получения примиренческих денег Комиссия просила обе стороны предоставить расписки о состоявшемся примирении и получении компенсации Комиссией⁵. Советские органы стремились оказывать максимум «содействия» Примирительной комиссии. До начала примирительной процедуры следственные органы проводили расследование дел, особенно в сложных случаях⁶.

Хотя советские Примирительные комиссии во многом продолжали традиционное медиаторство, тем не менее, советские и партийные органы власти Чечни и Ингушетии понимали разницу между традиционным (адатным) посредничеством и созданными ими Примирительными комиссиями. Поэтому они вводили различные санкции, направленные на то, чтобы «заставить» враждующие стороны примиряться с помощью советских комиссий. Так, из архивных материалов мы видим, что в Ингушетии всякий шаг, направленный на дискредитацию работы Примирительной комиссии, пресекался. Если кто-то отказывался мириться в Комиссии, его подвергали аресту⁷.

Советские и партийные органы власти проводили большую работу среди родственников виновного в убийстве, а также общества в целом. Например, случалось так, что, скрываясь от органов власти, убийца тайно посещал своих родственников, знакомых, находил у них поддержку и помощь. Если человек после совершения убийства скрылся от следственных органов и советской власти, органы внутреннего управления делали милиционерам соответствующие предписания, как это имело место в сел. Галашки (Ингушетия): «если убийцы скрылись, описать все их имущество, сдать на хранение благонадежным гражданами, а населению Галашек объявить, что если они будут способствовать сокрытию убийц или их имущества от описи, то за это ответят всем обществом»⁸.

¹ ЦГА Чечено-Ингушской АССР. Ф. Р.-158, Оп.1, Д. 29, Л. 8.

² ЦГА Чечено-Ингушской АССР. Ф. 158. Оп. 1. Д. 14. Л.11, Л. 13.

³ ЦГА Чечено-Ингушской АССР. Ф.Р.-183, Д. 36, Л. 251, 252; Центральный государственный архив Северной Осетии – Алании. Ф.Р-41, Оп. 1, Д. 246, Л. 7 об.

⁴ ЦГА Чечено-Ингушской АССР. Ф. Р.-183, Д. 134, Л. 277; Ф. Р.-264, Оп. 1, Д. 293, Л. 70.

⁵ ЦГА Чечено-Ингушской АССР. Ф.Р.-183, Д. 28, Л. 140 –142.

⁶ ЦГА Чечено-Ингушской АССР. Ф.Р.-183, Д. 25, Л. 93.

⁷ ЦГА Чечено-Ингушской АССР. Ф.Р.-183. Д. 34, Л. 68.

⁸ ЦГА Чечено-Ингушской АССР. Ф.Р.-183. Д. 96.

Население, находившееся в кровной вражде, прибегало к помощи Примирительной комиссии иногда добровольно, а иногда и «добровольно-принудительно»: советские и партийные органы предупреждали родственников потерпевшей от кровной мести стороны, что их дело передано на рассмотрение в Комиссию и, в случае каких-либо шагов к самовольному его разрешению (т. е. примирению вне рамок Комиссии) или совершению акта мести, они будут наказаны¹. Приведем примеры. В документе от 1 декабря 1921 г., адресованном начальнику Назрановской окружной милиции, читаем: «Препровождая рапорт Предкомиссии по примирению кровников от 3 декабря с.г. по дела о примирении гр. О. с К., предлагаю взыскать по норме, определенной Комиссией, в пользу потерпевшего К. сумму»². Таким образом, в данном случае власти применяли два вида санкций: опись имущества семьи виновного и введение ответственности всего общества за сокрытие убийцы.

Чечня

В Чечне «Специальная Центральная комиссия по ликвидации последствий кровной мести путем примирения враждующих на почве кровной мести сторон была создана значительно позже – в 1926 г. и работала до 1929 г.³. Комиссия включала в себя 7 чел. – представителей советских и партийных органов (председатель – Ахмад Тучаев)⁴.

Правила деятельности данной Комиссии были уже совершенно другими по сравнению с правилами начала 1920-х годов в Ингушетии. Во-первых, ее членами должны были стать советские чиновники (члены Областных исполнительных комитетов, председатель районного Исполкома, начальники окружной или районной милиции). Таким образом, члены комиссии не выбирались враждующими сторонами. Они не пользовались авторитетом для кровников. Во-вторых, каждый член комиссии имел право на получение зарплаты (500 руб.)⁵. И наконец, комиссия не назначала выплату компенсаций за причиненный физический или материальный ущерб (как это было до революции), а требовала примирения без выплат, требуя лишь расписки от конфликтующих сторон. Во многом это было формальное примирение. По сути, чеченская Примирительная комиссия лишь отчасти напоминала дореволюционный примиренческий процесс. В советское время в процедуру примирения в Чечне уже входило наказание виновного по советским законам.

Тем не менее, изучение архивных материалов по данному примирительному процессу в Чечне позволило сделать вывод, что в практике работы Примирительной комиссии в Чечне подобного рода требования о наказании по советским законам все же составляли исключение. В то же время этот документ свидетельствует о больших изменениях, которые произошли в сознании народных масс с начала 1920-х годов по 1926 – 1927 гг., а именно – в предпочтении, оказываемом законам советского государства перед нормами адата и шариата.

Кроме того, советские и партийные органы поставили перед Комиссией задачу – вернуть всех кровников в их прежние селения. Крестьяне, преследуемые своими кровниками, в силу укоренившегося обычая, как правило, переселялись в другие аулы, тем самым нарушали «структуру хозяйства»⁶. Таким образом, советские и партийные органы в Чечне выступили против одной из нормы адата – добровольного или принудительного

¹ ЦГА Чечено-Ингушской АССР. Ф.Р-183, Д. 134, Л. 277

² ЦГА Чечено-Ингушской АССР. Ф. Р-183, Д. 28, Л. 140.

³ ЦГА Чечено-Ингушской АССР. Ф.Р-264, Оп. 1, Д. 108, Л. 68; Протокол заседания II-го съезда Советов Чеченской автономной области. Грозный, 1926 // Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР. С. 116 – 117.

⁴ ЦГА Чечено-Ингушской АССР. Ф. Р-264, Оп. 1, Д. 293, Л. 70.

⁵ ЦГА Чечено-Ингушской АССР. Ф. Р-58, Д. 9, Л. 64.

⁶ ЦГА Чечено-Ингушской АССР. Ф. Р-264, Оп. 1, Д. 293, Л. 99 – 100.

переселения семьи виновного в другое селение на постоянное или временное жительство.

Чеченская примирительная комиссия, также как и Ингушская, изучала обстоятельства конфликта, потом приглашала обе стороны на совместную встречу, посылая им извещения о дате встречи. Как правило, сбор происходил у здания сельского совета. В извещении указывалось, что неявка участников конфликта будет рассматриваться как уклонение от примирения и наказываться согласно Уголовному кодексу РСФСР. Неявка вызывала санкции: удаление из пределов данной местности с конфискацией или без конфискации части имущества»¹.

Статистика рассмотрения сложных дел в Примирительной комиссии в Чечне показывает, что, по данным на 1927 г., в 11 округах Чечни (кроме Галанчожского и Надтеречного), было зафиксировано 319 случаев совершения кровной мести. В 1926 – 1927 гг. Комиссия наиболее плодотворно работала в двух плоскостных округах Чечни – в Шалинском и Урус-Мартановском, в результате чего ей удалось примирить 107 семей, находящихся в кровных отношениях².

На процедуру примирения обычно созывалось все жители селения. За порядком следила милиция. Вначале выступали члены Примирительной комиссии, которые разъясняли значение акта примирения и призывали кровников примириться. Далее выступали односельчане, присутствовавшие на сходе. Затем происходила следующая процедура: убийца пожимал руку ближайших родственников потерпевшей стороны. Пожатие рук происходило у стола, где заседала Комиссия. Каждый член фамилии преследующей стороны при этом громко произносил: «Ради советской власти, перед лицом народа, я навсегда прощаю тебе, – за себя и за свое потомство». После такой церемонии Примирительная комиссия составляла акт о примирении. Безусловно, как показывают полевые этнографические материалы, примирение без предоставления выкупа редко были успешными. Враждующие стороны по-прежнему стремились урегулировать свои отношения с помощью выплаты компенсации за причиненный физический ущерб.

Кабарда и Адыгея

Первый этап становления советского судопроизводства в Кабарде и Адыгее характеризовался созданием формального (видимого) компромисса между советскими судебными органами и религиозно-адатным судопроизводством. В основе данной правовой политики была идея постепенной замены традиционных юридических институтов, основанных на адате и шариате, на новые, базирующиеся на советском законодательстве. Этот процесс включал в себя сохранение на первом этапе медиаторского суда, основанного на адате [2]. В Кабарде и Адыгее вначале не только не были созданы новые Примирительные комиссии, а были оставлены дореволюционные медиаторские суды как официальные судебные органы (до 1925 г.). Анализ архивных данных свидетельствует о том, что наибольшее количество рассматриваемых медиаторскими судами дел приходилось на 1918 – 1922 гг.³

Уменьшение количества разбираемых медиаторами дел было связано с введением в 1922 г. в Кабарде и Адыгее советских народных судов, которым, согласно инструкциям советских судебных органов, должна была быть передана основная часть уголовных дел подведомственных ранее медиаторским судам⁴. Если до 1922 г. эти суды разбирали все виды уголовных дел, то после 1922 г. – только те, которые были связаны с причинением неумышленного физического ущерба.

¹ ЦГА Чечено-Ингушской АССР. Ф. Р-111, Оп. 1, Д. 1, Л. 1.

² ЦГА Чечено-Ингушской АССР. Ф. Р-264, Оп. 1. Д. 293, Л. 70; Д. 46, Л. 37.

³ Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА). Ф.Р.-104. Оп. 1. Д. 17. Л. 58 – 59; Д. 25. Л. 5, 12 – 14, 18 – 19; Ф.Р.-104. Оп. 1. Д. 17. Л. 64; Ф.Р.-3. Оп. 1. Д. 2а. Л. 178; Ф.Р.-201. Оп. 1. Д. 25. Л. 131, 134 об.; Д. 1. Л. 5 – 7; Ф.Р.-126. Оп. 1. Д. 6. Л. 291; Д. 3. Л. 97, 102; Ф.Р.-157. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 – 10; Ф.Р.-183. Оп. 1. Д. 17, 18. Л. 1 – 38.

⁴ ЦГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р.-166. Оп.1. Д.72; Ф.Р.-3. Оп.2. Д.212.

Тем не менее, на практике и после 1922 г. медиаторские суды продолжали рассматривать все дела, связанные с причинением имущественного и физического ущерба, в том числе и умышленного, однако в ряде случаев записи о таких судебных процессах не велись¹.

В 1920-е годы в Кабарде и Адыгее советский медиаторский суд состоял из 3 чел.: двух медиаторов (по одному от каждого участника рассматриваемого конфликта) и одного посредника. Как и в пореформенной адыгской общине, если рассматриваемое дело было сложным и запутанным, медиаторский суд включал в себя уже не 3, а 5 чел.: по два медиатора от каждой стороны и одного посредника. Такие случаи описаны в архивных материалах. При выборе членов суда у адыгов сохранялась традиция выбирать на должности медиаторов уважаемых людей. Как видно из архивного материала, в этот период в состав медиаторского суда часто включали эфендия квартальной мечети².

В целом анализ деятельности медиаторского суда в Кабарде и Адыгее в 1918 – 1925 гг. показывает, что он сохранял основные нормы ведения судебного процесса и применения уголовных адатов. Тем не менее, можно говорить о значительном сокращении сферы его применения. Многие описанные выше конфликты в тот период не были урегулированы с помощью медиаторов. Ограничение деятельности медиаторских судов со стороны советской администрации было главной, но не единственной причиной этого явления. Имели место конфликты, которые медиаторам не удавалось урегулировать по разным причинам, в том числе, и по неспособности судей найти компромиссные решения, и по отсутствию действенных санкций со стороны общины и российской администрации, направленных на выполнение решений медиаторских судов. Случалось, что принятое медиаторами решение не выполнялось: семья потерпевшего не получала положенной им компенсации. До 1925 г. такие семьи пытались, как и в пореформенное время, обращаться за помощью в советские судебные и административные органы, которые, в отличие от российской пореформенной администрации, не взяли на себя исполнение приговоров медиаторских судов. При слабости общинных санкций и отсутствии таких санкций со стороны советских органов власти в 1920-е годы медиаторский суд во многом потерял свою эффективность.

Приведем пример: дело об убийстве сельчанина–кровника шестью братьями. Дело было рассмотрено медиаторами, которые применили к виновным довольно жесткие меры наказания, поскольку было совершено убийство на почве кровной мести. Медиаторы приняли решение о выплате компенсации в размере 180 тыс. руб. (по 30 тыс. руб. с каждого из шести участников конфликта) и об их выселении на жительство в другое селение. Однако виновные и их медиаторы отказались подписать такое решение. Дело осталось незаконченным³. Наконец, случалось, что потерпевшая сторона предпочитала обращаться не в медиаторский, а в советский народный суд. Известно, что эти суды по-разному оценивали некоторые преступления. Суд медиаторов при рассмотрении дел о неумышленных ранениях или убийствах назначал выплату денежной компенсации, а советский суд оправдывал виновного⁴. Поэтому некоторые виновные в причинении неумышленного физического ущерба отказывались выплачивать компенсацию и обращались в советский суд и правоохранительные органы с тем, чтобы они, во-первых, оправдали их, а, во-вторых, защитили их от возможного совершения над ними мести, если они не выплатят компенсацию⁵. Такая позиция в отношении к традиционному и советскому

¹ ЦГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р.-104. Оп. 1. Д. 25. Л. 5, 12 – 14, 18 – 19; Д. 17. Л. 72.

² ЦГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р.-126 Оп. 1. Д. 3. Л. 97, 102; Д. 6. Л. 291; Ф.Р.-104. Оп. 1. Д. 25. Л. 5, 12 – 14, 18 – 19; Д. 17. Л. 62, 72; Д. 7. Л.1–10; Ф.Р.-201. Оп. 1. Д. 25. Л. 131, 134 об.; Ф.Р.-183. Оп. 1. Д. 1. Л.5-7; Ф.Р.-3. Оп. 1. Д. 2а. Л. 178.

³ ЦГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р.-3. Оп. 1. Д. 2а. Л. 178

⁴ ЦГА Кабардино-Балкарской Республики Ф.Р-167. Оп. 1. Д. 7; Ф.Р-6. Оп.1. Д.490.

⁵ ЦГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р-163. Оп. 1. Д. 163. Л. 2-36; Ф.Р-161. Оп. 1. Д. 366. Л. 5.

праву, безусловно, свидетельствует о частичном изменении правового сознания у адыгов.

Первые попытки северокавказской администрации ликвидировать медиаторский суд в Кабарде и Адыгее появились в 1923 г. Советская администрация начала применять в своей деятельности адыгский институт посредничества. Так, в 1921 г. во время похищения невесты произошло убийство кабардинца. Областная администрация собрала в г. Нальчике представителей населения от Кабарды, Балкарии и русских селений КБАО. На собрании родственники убитого кабардинца – члена ВКП(б) – дали клятву примирения. Они обязывались не совершать кровной мести в отношении родственников убийцы. Все участники собрания подписали примирительный документ. Это собрание – прообраз созданных позже примирительных комиссий и административных коллегий¹.

Примирительные комиссии должны были создаваться по инициативе местной администрации для рассмотрения конкретного конфликта. В архиве мы обнаружили материалы о Баксанской примирительной комиссии. Она состояла из шести человек и рассматривала дела по кражам в сел. Верхний Баксан, применяя к виновным норму адата о возвращении стоимости украденного. Позже подобные комиссии создавались при советских народных судах. Перед тем, как подать документы на рассмотрение дела в народный суд, участникам конфликта следовало обратиться в примирительную комиссию, которая в течение 15 дней пыталась их примирить².

Административные коллегии в Кабарде были введены в 1923 г. Согласно постановлению, эти коллегии должны были состоять из трех человек. Они получили право разбирать имущественные споры на сумму не более 25 руб. и мелкие уголовные дела. Жалобы на решение административных коллегий могли подаваться в советский народный суд. Данный судебный орган просуществовал около года. В своей практической деятельности, как свидетельствуют архивные материалы, он рассматривал в основном дела, связанные с кражами³.

В 1924 г. по постановлению прокуратуры РСФСР административные коллегии заменялись третейскими судами. Как видно из материалов заседаний бюро областного комитета Кабардино-Балкарии, местными партийными работниками было принято решение о сохранении административных коллегий, проведя лишь их переименование. Основное юридическое различие между прежними административными коллегиями и новообразованными третейскими судами заключалось в том, что последние не имели права разбирать даже мелкие уголовные дела. Третейский суд состоял из трех человек и создавался по просьбе участников конкретного конфликта. По окончании суда составлялся документ – третейская запись⁴.

С конца 1923 г. в Кабардино-Балкарии начались первые попытки ликвидации медиаторских судов. Было принято непродуманное и невыполнимое решение, согласно которому все рассмотренные с 1918 по 1923 г. в медиаторских судах дела должны передаваться в советские народные суды для их пересмотра на основе норм советского законодательства. Вскоре это решение было отменено и прокуратура КБАО приняло секретный циркуляр N 294, согласно которому все совершенные кабардинцами до 1924 г. уголовные преступления не подлежали пересмотру в советских народных судах⁵.

Однако медиаторские суды в тот период еще не были ликвидированы. В течение 1924 – 1925 гг. они существовали полулегально: при официальном их запрете областной

¹ ЦГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р.-376. Оп. 1. Д. 6. Т. 1. Л. 603.

² ЦГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р.-159. Оп.1. Д. 201. Л. 1; Ф.Р.-183. Оп. 1. Д. 234. Л. 93.

³ ЦГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р.-3. Оп.1. Д.136; Ф.Р.-2. Оп.2.Д.11. Л.117; Протоколы 1924 г. // Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики.

⁴ Протоколы 1924 г. // Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики; ГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р.-2. Оп. 2. Д. 12. Л. 9-10; Ф.Р.-8. Оп. 1. Д. 51. Л. 25; Ф.Р.-8. Оп. 1. Д. 80. Л. 226.

⁵ ЦГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р.-183. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 – 7.

администрацией и с разрешения местных сельских органов советской власти. В 1925 г. двухгодичный период полулегального существования медиаторского суда в Кабарде и Адыгее закончился¹. В циркуляре Баксанского окрисполкома говорилось: «Окрисполком неоднократно замечал, что в селениях округа до настоящего времени допускается разбор споров граждан медиаторским решением. Усматривая ненормальность подобных явлений, окрисполком категорически воспрещает допущение сельским исполкомам разрешать споры граждан медиаторскими решениями, а таковые направлять по подсудности в судебные учреждения, как-то сельские административные коллегии Нарсуда и т. д. Исполнение сего возлагается на личную ответственность председателей сельских исполкомов и их заместителей». Областная администрация создала специальную Инспекторскую комиссию, которая начала проводить регулярные проверки случаев обращения адыгов к медиаторам².

Однако в 1926 г. вышло постановление центральных российских органов власти, согласно которому региональным администрациям разрешалось возрождать суды по адату. Тем не менее, областные партийные лидеры и юристы Кабардино-Балкарии отказались это сделать. Так, председатель Областного суда Я. Вержбицкий указывал, что в КБАО суды, применявшие адат как пережиток старого быта, уже изжиты и возрождать их не следует. Секретарь обкома партии Кабардино-Балкарии Б. Калмыков в письме, направленном в Отдел национальностей при Президуме ВЦИК, сообщал о нецелесообразности возрождения адатных судов в этой области³. С 1926 г., как мы видим из секретных партийных циркуляров, медиаторские суды в Кабарде и Адыгее приобрели скрытую форму⁴.

Осетия

Правовое реформирование, проводимое в первое десятилетие после установления советской власти в Северной Осетии, в отличие от других северокавказских республик, не включало переходные этапы (когда советская администрация шла на уступки, создавая промежуточные, временные судебные органы с элементами местного права, как это имело место, например, в Кабарде)⁵. В 1921 г. в Северной Осетии уже были сформированы советские судебные органы: окружные народные суды, рассматривавшие все уголовные и гражданские дела, и курировавший их работу областной Совет народных судей. Наряду с народными судами действовали революционные трибуналы, которые осуществляли правосудие по наиболее важным уголовным и политическим (выступления против советской власти) делам. В Горской республике был сформирован Главный суд, при котором и функционировал Горский Ревтрибунал⁶. После распада Горской республики и образования Северо-Осетинской автономной области был сформирован Северо-Осетинский областной суд (1924 г.)⁷.

Отношение советской администрации Северной Осетии к обычному праву изначально было крайне отрицательным. Власти Горской республики, а после ее распада в 1924 году – НКЮ СНК Северо-Осетинской автономной области, – проводили политику ликвидации полномочий третейских судов. ЦИК Горской республики не раз отказывал сельским советам в их просьбах открыть на местах медиаторские суды, мотивируя это

¹ ЦГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р.-3. Оп. 1. Д. 14. Л. 236.

² ЦГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р.-8. Оп. 1. Д. 77. Л. 6; Протоколы 1924 г. // Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики. Оп.1. Д. 18. Л. 20 – 21.

³ ЦГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р.-8. Оп. 1. Д. 130. Л. 72, 75, 77 – 81.

⁴ ЦГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р.-183. Оп. 1. Д. 156. Л. 2.

⁵ Фонд партии // Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 240. Оп. 1. Д. 53. Л. 19; Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА). Ф.Р-161. Оп. 1. Д. 34.

⁶ ЦГА Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА). Ф.Р-160. Оп.1. Д.60. Л. 62; Ф.Р-161. Оп.1. Д. 23. Л. 311.

⁷ ЦГА Республики Северная Осетия – Алания. Ф.Р-160. Оп. 1. Д. 60. Л. 62.

решение тем, что «с точки зрения советского законодательства медиаторский суд не допустим»¹.

Тем не менее, в первой половине 1920-х годов в ряде случаев сельские правоохранительные и административные органы по просьбе сельчан скрывали совершаемые в их селениях преступления, давая возможность конфликтующим сторонам урегулировать свои конфликты с помощью медиаторов. Так, в 1921 г. осетин-милиционер убил односельчанина. Другой милиционер, работавший в этом же селении, не арестовал убийцу, а дал возможность фамилиям виновного и потерпевшего примириться. В тех случаях, когда осетины проводили неофициальное медиаторское примирение, судьи принимали решение о выплате компенсации. Советская администрация, не запрещая это, все же контролировала все этапы данного процесса примирения². Архивные материалы свидетельствуют о существовании в первой половине 1920-х годов медиаторских примирений.

В Северной Осетии членами медиаторских судов численностью от 5 до 9 чел. (3 чел. – от потерпевшей стороны, 2 чел. – от виновной) становились, как правило, старшие по возрасту сельчане (60 – 70-ти лет), пользовавшиеся авторитетом в своей общине. В редких случаях, когда конфликт был затяжным, медиаторами становились почетные осетины из других селений. Любопытно, что в осетинском обществе различались посредники, минавар лаг, т.е. те, кто в составе делегации посещали дом потерпевшего и просили дать согласие на урегулирование конфликта с помощью медиаторов, т. е. тархони лагтае³.

Медиаторы выносили медиаторское решение. Приведем пример подобного решения, датированного 5.05.1921 г., в котором говорилось следующее: «мы нижеподписавшиеся, выборные медиаторы... рассмотрели убийство Н.К. по примеру наших предков при примирении кровников и по Постановлению Besлановского съезда обсудив всесторонне постановили: уплатить родственниками убийцы Туоевыми...» В конце медиаторского решения приводились фамилии медиаторов⁴.

Если медиаторский суд разбирал дело, связанное с причинением незначительного физического ущерба, вначале судьи назначали виновному оплатить услуги лекаря, предоставить потерпевшему финансовую помощь в приеме тех гостей, которые будут навещать его во время болезни, и лишь затем определялось выплата компенсации. Услуги лекаря оценивались дорого. Так, в одном архивном деле указывается, что виновный отдал лекарю за лечение потерпевшего одного быка и 10 мер кукурузы. Недешево для виновного обошелся и прием больным гостей. Для приема гостей он принес в дом потерпевшего, как сказано в архивном источнике, 1 пуд керосина, 5 кусков мыла, новую простынь, 3 фунта сахара, 1/8 фунта чая, 2 воза дров, 1 пару исподнего белья, 1/2 пуда пшеничной муки первого сорта. Помимо этого, виновный обязан был в течение месяца каждые два дня приносить по одному барану. Если физический ущерб был причинен в период полевых работ и потерпевший не мог сам их выполнить, то виновный нанимал за свой счет работника для их выполнения. По данным на 1920 г., размер компенсации за причинение ранения составлял 100 тыс. руб. Медиаторы, принимая решение о компенсации, определяли и сроки ее выплаты, которые могли быть продолжительными, вплоть до двух лет. После выздоровления потерпевшего виновный устраивал традиционный ужин, примирительное угощение. Во время этой церемонии семья виновного дарила потерпевшему лошадь или корову⁵.

¹ Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 161. Оп. 1. Д. 16.

² Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф.Р-160. Оп. 1. Д. 74. Л. 3, 3 об-4, 39.

³ ЦГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р-160. Оп. 1. Д. 74. Л. 3, 3 об-4, 39; Д. 75. Л. 51; Ф.Р-161. Оп. 1. Д.1. Л. 27 об-28; Ф.Р-166. Оп. 1. Д. 37. Л. 83, 83 об.

⁴ ЦГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р-160. Оп.1. Д.74. Л. 39.

⁵ ЦГА Республики Северная Осетия – Алания. Ф.Р-161. Оп. 1. Д. 22. Л. 19, 28, 33, 102 об.; ЦГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р.-104. Оп. 1. Д. 17. Л. 58 –59; Национальный архив Республики Адыгея. Ф. 8. Оп. 1. Д. 212; ЦГА КБР. Ф.Р.-126 Оп. 1. Д. 3. Л. 97, 102.

Остановимся на ритуале примирения у осетин. Сразу же после происшедшего убийства виновный старался скрыться и прислать посредников для примирения. Процесс примирения можно разделить на четыре этапа. Во время первого этапа взрослые члены фамилии виновного должны были отправиться на могилу убитого сельчанина и послать гонца в дом потерпевшего с вестью об этом. Если семья потерпевшего согласна была мириться, тогда старшие фамилии потерпевшего давали согласие на появление этой делегации во дворе дома убитого. Как свидетельствуют архивные материалы, такое согласие давалось не сразу. Были случаи, когда фамилия виновного ждала по 1-2 суток на кладбище с надеждой, что родственники потерпевшего согласятся мириться. Во время второго этапа делегация численностью от 100 до 400 чел., во главе с посредниками, шла в дом семьи потерпевшего, становились перед ними, как требовал обычай, на колени и просили помириться. Эта традиция сохранялась и в 1940-е годы¹.

Если не удалось уговорить родственников потерпевшего примириться с первого раза, то делегация могла прийти еще раз. Как свидетельствуют материалы одного дела, медиаторы пытались примирить конфликтующие стороны в течении 23 лет. 8 раз посредники приходили мириться. На третьем этапе проводилось заседание медиаторов, на котором определяли размер компенсации. Чаще всего это происходило на нихасе – месте на улице, где собирались и проводили свободное время сельчане².

Затем после выплаты компенсации виновный совершал ритуал примирения: он обращался к родственникам убитого, как указано в архивном деле, «с повинной головой», просил прощения, и родственники потерпевшего принимали его «как сына». Виновная сторона устраивала примирительное угощение и дарила семье убитого лошадь трех лет. После этого у осетин виновная сторона должна была поставить памятник потерпевшему³.

Дореволюционные осетинские третейские суды, не поддержанные российско-имперской властью, к 1920-м годам в Осетии в значительной степени утратили свои регулятивные функции. Несмотря на то, что сельские осетины стремились примирить всех противников, сельчанам редко удавалось уговорить конфликтующие стороны примириться. Часто для этого требовались годы. Так, в одном случае сельчанам удалось примирить стороны только через 8 лет, в другом – через 19. Однако и после совершения примирения кровная месть могла состояться⁴. Как свидетельствуют осетинские архивные материалы, в 1930-е годы имелись случаи, когда уже после того, как состоялось традиционное примирение с помощью посредников и была выплачена компенсация за физический и даже имущественный ущерб, кровная месть все же совершалась⁵.

В результате к 1920 – 30-х гг. в Осетии оказалось много фамилий, между которыми годами, а подчас и десятилетиями продолжались кровнические отношения, и третейский примиренческий процесс уже не был в состоянии ослабить агрессивность между людьми и изменить сложившуюся в этот период конфликтную ситуацию.

В этих условиях советская администрация в Осетии попыталась воссоздать третейские суды в виде примирительных комиссий, решение которых контролировались уже не общинами, а советскими судебными и правоохранительными органами власти. Еще в мае – июне 1921 г. в Горской АССР были созданы одна окружная (Владикавказская) и, подчинявшиеся ей, более десяти сельских примирительных комиссий по кровным делам. В их функции входило руководство примирением конфликтующих фамилий. Согласно нормам осетинского адата судьи устанавливали «цену крови» в денежном или натуральном выражении; сроки устройства примирительного угощения кровников; ве-

¹ ЦГА Республики Северная Осетия – Алания. Ф.Р-160. Оп. 1. Д. 74. Л. 3, 3об-4; Д. 75. Л. 51; Ф.Р-161. Оп. 1. Д. 1. Л. 150; Ф.Р-166. Оп. 1. Д. 8. Л. 70 об.

² ЦГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р-161. Оп. 1. Д. 1. Л. 150; Ф.Р-166. Оп. 1. Д. 37. Л. 149.

³ ЦГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р.-201. Оп.1. Д.25. Л. 131, 134 об.; ЦГА Республики Северная Осетия – Алания. Д. 74. Л. 39; Д. 75. Л. 44об, 46.

⁴ ЦГА Республики Северная Осетия – Алания. Ф.Р-166. Оп. 1. Д. 37. Л. 83, 83 об, 111, 112, 147 об.

⁵ ЦГА Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 166. Оп. 1. Д. 37.

ли переговоры с советскими властями о выдаче убийц и похитителей девушек сельской общине. При этом в полномочия сельских комиссий входило урегулирование конфликтов внутри общины, а окружной – разбор столкновений на почве кровной мести между выходцами из разных сельских общин. После распада 7 июля 1924 г. Горской АССР примирительные комиссии продолжали работать в Северо-Осетинской Автономной области. Согласно новому административному делению края Владикавказская окружная комиссия была заменена двумя новыми – Дигорской и Осетинской. Хотелось бы отметить существенные отличия советских примирительных комиссий от традиционного осетинского суда медиаторов. Во-первых, примирительные комиссии не были добровольным третейским органом, создаваемым конфликтующими сторонами. Их создание было поручено исполкомам сельских советов. Формально решение об их образовании принималось на сельских сходах, однако, как свидетельствуют архивные материалы, комиссии создавались советской администрацией вопреки желаниям сельчан. Более того, советские органы власти заставляли конфликтующие стороны обращаться в эти комиссии для урегулирования своих споров, угрожая в противном случае высылкой всех кровников в сибирские регионы. Советская администрация настаивала на том, чтобы осетины рассматривали решения советских примирительных комиссий как закон. Во-вторых, советская администрация создавала одну примирительную комиссию для примирения всех имеющихся в селении кровников, тогда как осетинский третейский суд создавался для каждого дела отдельно. В-третьих, в состав комиссии входили представители не двух (конфликтующих) сторон, а трех: потерпевшей (2 чел.), виновной (2 чел.) и властных органов (3 чел.)¹.

Иногда конфликтующие стороны соглашались на рассмотрение своего дела в советской примирительной комиссии, но впоследствии отказывались подчиняться ее решению. Поэтому советская администрация ввела и другую норму адата, а именно: до начала судебного разбирательства в примирительной комиссии конфликтующие стороны обязаны были подписать документ, названный по аналогии с осетинским третейским документом, медиаторской подпиской, в которой стороны соглашались подчиниться любому решению примирительной комиссии. Так, в 1924 г. примирительная комиссия сел. Нокгау рассмотрела одно дело, связанное с убийством и вынесла решение о выплате компенсации вдове – 600 руб. в течении 6 месяцев. Тем не менее, вдова и через год не получила компенсацию и возбудила уголовное дело в областном суде².

Наконец, даже в тех случаях, когда, как свидетельствуют архивные материалы, комиссии удавалось примирить кровников, то через некоторое время кто-либо из фамилии потерпевшего совершал кровную месть и убивал члена фамилии виновного в исходном конфликте. Все же отметим, что отдельные успешные случаи примирения кровников с помощью советских примирительных комиссий имели место в 1920-х годах. Если дело, регулируемое такой комиссией, попадало в советский суд, то суд учитывал решение примирительной комиссии и выносил оправдательный приговор виновному или просто закрывал дело, апеллируя к широко распространенному в 1920-х годах принципу смягчения наказаний для лиц, происходящих из «социальных низов»³.

Традиционное примирение.

Примирительные комиссии в 1930 – 1940-е годы.

Функционирование суда по адату в период коллективизации и в первые десятилетия после ее окончания, к сожалению, не может быть определенно установлено. В 1930 – 1940-е годы в чеченском и ингушском обществах наблюдалось сочетание традиционного и советского методов примирения при урегулировании конфликтов, связан-

¹ ЦГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р -166. Оп. 1. Д. 14. Л. 3, 6, 56.

² ЦГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р -166. Оп. 1. Д. 14. Л. 3, 6, 56.

³ ЦГА Кабардино-Балкарской Республики. Ф.Р-160. Оп. 1. Д. 75. Л. 44об, 46; Д. 11; Ф.Р-166. Оп. 1. Д. 11, 20. Оп. 2. Д. 2; Д. 24. Л. 71, 85, 92.

ных с убийствами и возможной в дальнейшем кровной мстью. Приведем примеры их жизни народов этого периода. В 1930 г. в сел. в Ачхой-Мартановском районе (Чечня) отец девушки, которую ранил обидчик (за него не выдали старшую дочь отца), убил его. По обычаю Н.Д. покинул село, чтобы избежать кровной мести. Была образована Примирительная комиссия, которой удалось примирить стороны – фамилии Д.Б. и Н.Д. Брат убитого – Б. Б. сказал: «Я никаких враждебных чувств к Н. Д. не имею»¹. В 1922 г. в сел. Гехи (Чечня) в результате ссоры между сельчанами был убит А. М. Убийца О. А. не мог добиться согласия родственников убитого на примирение. В мае 1934 г. отец А.М. наконец-то согласился. Он сам объявил убийце и его родственникам, что он прощает им «пролитую кровь». Состоялось примирение, причем без уплаты примиренческих [3]. Подобные примеры зафиксированы нами и в других сел.: Н. Ачалуки, Яндырка, Сагопши (Ингушетия). В 1915 г. в сел. Урус-Мартан (Чечня) во время совершения кражи чеченец Д. случайно убил женщину, которая к тому оказалась беременной. Кровная вражда длилась годами: в 1932 г. Д. был убит. После этого убийства примирение между сторонами все же состоялось: враждующие стороны были примирены без уплаты каких-либо дополнительных выкупов, штрафов и т. д. [4].

Мы располагаем полевыми этнографическими данными о сохранении практики суда по адату в Кабарде и Адыгее и в 1940-е годы. В тот период была окончательно сформирована система двойного урегулирования конфликтных ситуаций: одновременное рассмотрение дела в советском народном суде и обращение к традиционному посредничеству. Так, в одном селении во время кражи кукурузы был убит сторож. Виновного судили в советском народном суде. Родственники потерпевшего решили отомстить семье убийце. В дело вмешались авторитетные старики. Они в качестве медиаторов рассмотрели ситуацию и назначили семье виновного выплату денежной компенсации. Компенсация была выплачена и конфликт урегулирован². Похожий пример имел место и в Осетии. В 1929 г. некто Тезиев из селения Кадгарон заколол кинжалом брата своей жены. Все отношения между фамилиями Цаликовых, к которой принадлежали убитый и жена потерпевшего, и Тезиевыми прекратились, как между кровниками. Жена тотчас ушла от убийцы. Народный суд осудил его на 10 лет принудительных работ в концентрационном лагере. Освободившийся по истечении срока наказания Тезиев вернулся в родное селение. Здесь он еще три года работал пастухом, собирая деньги для примирения. Только тогда, когда он уплатил «цену крови» и устроил примирительное угощение, на которое пригласил семью Цаликовых, отношения кровной вражды между двумя фамилиями прекратились [5].

Заключение

Таким образом, мы видим, что на Северном Кавказе отношение советских властей к традиционному медиаторству было разным: в одних республиках сохранялся медиаторский суд, в других – появились новые Примирительные комиссии, но с разными правилами их бытования (Ингушетия и Чечня) и, наконец, в Осетии осуществлялось всестороннее введение советских органов власти. Тем не менее, во всех республиках Северного Кавказа официально, полуофициально и совершенно неофициально сохранялся полиюридизм – сосуществование в областях нескольких судебных-правовых систем. Судебные институты и нормы адата претерпели под влиянием советских реформ сложную трансформацию. Прогнозы советских историков и юристов об «отмирании адата, шариата и других вредных пережитков старого режима» после проведения коллективизации и советских правовых преобразований не оправдались.

¹ Грозненский рабочий, 1930, № 121, 29 мая

² Полевые материалы Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 10. Оп. 1. Д. 14.

Литература

1. *Бабич И. Л., Плиев А. А.* История кровной мести у ингушей и чеченцев (1870 – 1960-е годы) // Юридические исследования. 2018. № 3. С. 42 – 57.
  2. *Бабич И. Л.* Соотношение обычного права и шариата в правовой истории кабардинцев и балкарцев // Человек и общество на Кавказе. М., 2002. С. 86 – 95.
  3. Полевые материалы А. А. Плиева, 1966 г., сел. Гехи, информатор – М. Дадаев, 1882 г. рожд.
  4. Полевые материалы А. А. Плиева, 1966 г., сел. Урус-Мартан, информатор – Т.М. Магомадов, 1906 г. рожд.
  5. Полевые материалы Л. К. Гостиевой, сел. Кадрагон, информатор – Бегизов Далмат, 1910 г. рожд.
-

Pliev Abdurakhim Ahmedovich, candidate of historical sciences, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-A, Leninsky Ave, Moscow, 119334, Russian Federation)

E-mail: irina@babich1.net

Babich Irina Leonidovna, Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-A, Leninsky Ave, Moscow, 119334, Russian Federation)

E-mail: irina@babich1.net

**MEDIATION COMMISSIONS IN THE NORTH CAUCASUS:
A COMPARATIVE ANALYSIS (1920 – 1930)**

Abstract

The aim of this article is to study the models of the legal modernization in the republics of the North Caucasus in 1920-30-s: Kabardino-Balkaria, Adygea, North Ossetia, Chechnya, Ingushetia. The author studies the attitude of the Soviet authorities to the traditional mediator court. This court was among all the peoples of the North Caucasus before the revolution (1917). However, in the 1920s, in some republics it was canceled, in others it was replaced by Conciliation (mediation) commissions, in the third it remained until the mid-1920s. The article was prepared on the basis of archival materials from the archives of the republics of the North Caucasus: Kabardino-Balkaria, Adygea, North Ossetia and the archives that have been destroyed - the former archive of the Chechen-Ingush ASSR.

Key words: *mediation, courts, peoples of the North Caucasus, Soviet power, Soviet legislation, mediation commissions.*

References

1. Babich I. L., Pliev A. A. Istoriya krovnoj mesti u ingushej i chechencev (1870 – 1960-e gody) // YUridicheskie issledovaniya. 2018. № 3. S. 42 – 57.
2. Babich I. L. Sootnoshenie obychnogo prava i shariata v pravovoj istorii kabardincev i balkarcev // CHelovek i obshchestvo na Kavkaze. M., 2002. S. 86 – 95.
3. Polevye materialy A. A. Plieva, 1966 g., sel. Gekhi, informator – M. Dadaev, 1882 g. rozhd.
4. Polevye materialy A. A. Plieva, 1966 g., sel. Urus-Martan, informator – T.M. Magomadov, 1906 g. rozhd.
5. Polevye materialy L. K. Gostievoj, sel. Kadragon, informator – Begizov Dalmat, 1910 g. rozhd.